

А. А. Хадынская

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

УДК 82.09(470)

А. А. Хадынская¹,

Сургутский государственный университет,

opus2000@mail.ru

ЛИРИКА АГЛАИДЫ ШИМАНСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЭЗИИ «ПАРИЖСКОЙ НОТЫ»

Статья посвящена рассмотрению творческого наследия Аглаиды Сергеевны Шиманской (1903–1995), русской поэтессы и прозаика эмиграции «первой волны», с позиции близости ее лирики поэзии «парижской ноты». Отмечаются черты типологического сходства и общность черт поэтики, при этом важной оказывается акмеистическая ориентация поэтессы.

Ключевые слова: Аглаида Шиманская, поэзия русской эмиграции «первой волны», «парижская нота», акмеистические традиции

Шиманская Аглаида Сергеевна (1903–1995), поэтесса и прозаик «первой волны» эмиграции, была дочерью известного философа С. Левицкого. Детство Аглаиды прошло в Швейцарии, школу она закончила в Лозанне. В 1939 году семья переехала в Париж, Аглаида поступила в русскую консерваторию, где познакомилась со своим будущим мужем музыкантом С. Шиманским. Публиковаться начала с 1947 года в журналах «Современник», «Новый журнал», «Возрождение», «Грани». Ее произведения печатались в известных поэтических антологиях эмиграции: «Муза диаспоры», «Эстафета», «Содружество». Свои дни поэтесса закончила в доме престарелых в Ганьи (Франция), в комнате, которую раньше занимал Ю. Терапиано. По свидетельству И. Одоевцевой, она в последние его годы трепетно за ним ухаживала [3, 332–333], пока сама не попала в больницу с тяжелым переломом ноги.

Ее творчество прямо не относилось к поэзии «парижской ноты», по крайней мере, она не была замечена среди «активных» учеников Г. Адамовича, как, например, А. Штейгер и Л. Червинская, не вела

¹ Хадынская Александра Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Института гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут

богемную жизнь в монпарнасских кафе, и «градус стоицизма», строгости и суровости в ее лирике не достигал максимума, как у авторов этого поэтического круга. Но все же, будучи представительницей «парижской ветви» эмиграции «первой волны», Аглаида Шиманская попала в «поле притяжения» «парижской ноты», о чем свидетельствует сама поэтическая ткань ее стихов. Ее имя среди последователей «ноты» называет В. Крейд, обозначая инерцию этого явления в последующей поэзии: «... было еще много стихотворений поэтов первой эмиграции, чье творчество не укладывалось в рамки «ноты», хотя отдельные их стихотворения вполне согласуются с ее заветами» [2]. Аглаида Шиманская начала печататься в послевоенном 1947 году, но в ее лирике отчетливо прослеживается акмеистическая ясность стиха, живописность, четкость и выпуклость образов. В своих четырех сборниках, появившихся в парижском издательстве «Рифма» («Капля в море» (1950), «Новолуние» (1955), «Я вам прочту» (1963), «Антенны» (1976)) поэтесса являет себя как истинная наследница «прекрасной ясности». Е. Таубер писала про ее сборник «Новолуние»: «Стихи этого сборника легкие, звенящие, пронизанные голубоватым туманом “новолуныя”. Полутона, полунамеки. Нет резких контрастов. Все скользит, переливается. И все в движении. Остановиться и углубиться в скользящее некогда. В этом печать современности <...>» [4, 302]. В ее лирике нет присущих исконной «ноте» экзистенциальных переживаний, тяжести бытия, но есть акмеистическая установка на культурный диалог с русской классикой, ориентация на традиционный классический стих. В Париж она попала в 30-е гг. и, вероятно, ей, хоть и отдаленно, но удалось почувствовать воздух русского Монпарнаса на излете его существования. Некоторые строки Шиманской будто взяты из стихов Анатолия Штейгера, причем сходство наблюдается именно в их акмеистической ориентации на «вещность» бытия, словно окружающие предметы «представляют» за эмоциональное состояние героя (См. об этой особенности лирики Штейгера в нашей статье [5]:

Ничего нельзя доказать,
Никому не могу ответить,
Одиночество душит опять
Злые мысли и стены эти [6, 3]

Главной темой, что соответствует общему настрою эмигрантской литературы «первой волны», стала ностальгия, хотя, выросши за границей, на родине Шиманская бывала мало. Следуя «генеральной линии» эмигрантской лирики, поэтесса пишет о неизбежной для русского эмигранта жизни в состоянии острой

А. А. Хадынская

ностальгии, фактически причисляя себя к тому самому «незамеченному поколению», о котором писал В. Варшавский [1]:

На сердце горе, боль, а ты живи,
Бессонница и мрак, а ты живи,
И никого... На помощь не зови!
Пожары, бури, смерть, а ты живи –
Для муки, жалости и для любви – живи! [6, 4]

Тема родины звучит во всех сборниках А. Шиманской, есть даже одноименный микроцикл, посвященный оставленной отчизне. Покинув Россию в детстве, она узнала ее по русской литературе, по творчеству «старших» собратьев по перу. Словно «принимая эстафету», она ищет опору в «золотом веке» русской культуры: в ее стихах упоминаются Пушкин, Гоголь, Чайковский. Тяготея к акмеистическому мировидению, Шиманская «визуализирует» образ России с помощью многочисленных экфрастических описаний; ее лирическая героиня иногда даже наивно, но очень искренне признается в любви к неведомой далекой родине, «вспоминая» ее «по картинкам»:

Здесь на старенькой открытке конка,
Снег на крышах, снегом все полно.
Я не помню, я была ребенком
И в стране другой живу давно.
Но у сердца память не простая
И для сердца все осталось там.
Я теперь сама себе чужая,
Я теперь без имени – Madame.
Платят мне за труд французским хлебом,
По-французски только говорю.
На открытке тут кусочек неба...
Но по-русски я тебя люблю [9, 3].

Создавая картины родины, Шиманская использует ставшие уже традиционными для эмигрантской литературы образы: зимы, поезда, уносящего героиню на чужбину, и памяти, которая все это сохранила. Яркий пример тому – стихотворение с красноречивым названием «Память», в котором в «концентрированном виде» содержится «комплекс эмигранта»:

Услышать песню русскую метели,
Утешить сердце голосом родным.
Тогда любить еще мы не умели,
Тогда наш мир был малым и своим.

Казался он веселым и светящим.
Как мячик прыгал, лодочку пускал,
Но пассажирский поезд уходящий
Разрушил мир и призрачный вокзал,
И мир теперь безрадостный, огромный,
В чужой стране, суровый и пустой.
Был горек дым, тревожен шум вагонный
Его повсюду слышу за собой [9, 19].

Оппозиция «родина-чужбина» разрешается у Шиманской в традиционном ключе, в пользу первой, ибо «... кому нужна страна чужая, / Пусть она по-своему прекрасна?» [6, 9–10]. Противопоставление «организовано» через «вещные знаки» родины и чужбины: представителей классической русской флоры («цветок с полей») и французской («пышной розы»). Флористические символы становятся знаками «своего» и «чужого» хронотопов: «свой» – это далекий и давний, а «чужой» – близкий и неродной:

Полюбить душа ее не может,
Русская душа, любовью русской,
Мне цветок с родных полей дороже
Пышной розы на земле французской.
Здесь березка – палочка слепая,
Небо – как невымытые окна, –
Где-то русская снежинка тает
И платок от слез намокнет [6, 9–10].

Классическая роза, известный культурный символ, имеет у Шиманской отрицательную коннотацию, в чем очевидна аллюзия на Г. Иванова, как известно, оказавшего на «парижскую ноту» первостепенное влияние: его роза, как знак всех тех, «которые в мире цвели», теперь «выброшена в помойное ведро». У поэтессы ситуация не решена столь радикально, но прослеживается та же тенденция, только в более «сглаженном», женском варианте. В приведенном отрывке отметим свойственную акмеистической поэтике экфрастичность описания, акцент на визуальных деталях с применением «минус-приема»: в метафоре «березка – палочка слепая» отмечается «незрячесть» французской березки в противовес имплицитной «зрячей» русской; в сравнении «небо как невымытые окна» окно выступает рамой для импровизированной картины, но через нее небо не видно. Знаками родины становятся также классическая «русская снежинка» и «платок», намокший от ностальгических слез. «Родная березка» появится у поэтессы позже,

А. А. Хадынская

в сборнике «Новолунье», в контексте уже русского классического деревенского пейзажа:

Слушать ветер осенний при дороге в избушке,
Слушать скрип проезжих колес.
Где-то там, среди поля, в глухой деревушке
Лунный свет от родных берез [8, 34].

Для Шиманской важно подчеркнуть свою поэтическую преемственность с традицией метрополии, кровную связь с великой русской литературой, поэтому у нее мы находим много стихов на так называемую тему «поэта и поэзии». Писательство часто становится у нее предметом саморефлексии, что стало общим местом у представителей «парижской ноты», ибо поэтическое творчество мыслилось ими не только формой самовыражения, но и единственным оправданием собственного существования. У поэтессы есть стихи пушкинского толка о «пере и бумаге», о поэтическом вдохновении, о музе. Одно из них точно схватывает пушкинскую стилистику, аллюзивно отсылает к известному любому русскому читателю претексту, что организует диалог с ним и служит своеобразным «сигналом» от парижских эмигрантов об одном с ним культурном коде (выделение курсивом наше. – А. Х.):

Листок *бумаги* белоснежный
Рука срывает на лету
И почерк тень кладет небрежно
На девственную чистоту.

Перо летит за вдохновеньем
И для страницы звук *стиха* –
Тревожное прикосновенье,
Как поцелуи жениха.

Ее пронзает мука страсти
И благодатная струя,
Вся жизнь теперь ее во власти
Божественного острия [7, 2].

Еще одно из подобных стихотворений звучит как поэтический манифест, как завещание нам, потомкам, чтобы мы услышали негромкий, но чистый и искренний голос поэта из далекого Парижа, обращенный к нам через десятилетия, и в этом смысле он сливается с голосами поэтов «парижской ноты», жаждавших найти своего читателя именно в России:

Пишу в печали, в темноте
Души своей непримиренной,

И голос тихий, монотонный
Умрет, потонет в пустоте.
А я, друзья, для вас пишу
И к вам протягиваю нити
Волнений и своих наитий –
Пока жива, пока дышу [7, 26].

В творчестве Аглаи Шиманской наблюдается своеобразное эмигрантское преломление акмеистических традиций: «тоска по мировой культуре» (с установкой на культурный диалог, принятие чужой культуры, признание поля культуры единым для человека) уступает в ее лирике место эмигрантской тоске, маркирующей пространство и все, что в нем находится, на «свое» и «чужое», вследствие чего это поле становится уже ценностной иерархией, и положение «вещи» в нем определяется степенью «родства» с «русским миром» героини. Шиманская демонстрирует чрезвычайно важную для представителей эмиграции «первой волны» поэтическую преемственность с литературой метрополии, ориентируясь, через тяготение к «парижской ноте», на «петербургскую поэтику» в ее акмеистическом варианте.

Литература

1. Варшавский, В. Незамеченное поколение / В. Варшавский. – М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына; Русский путь, 2010. – 544 с.
2. Крейд, В. Что такое «парижская нота» [Электронный ресурс] / В. Крейд // Слово – 2004. – №43–44. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2004/43/kr41.html>.
3. Одоевцева, И. Письмо И. Чиннову от 14.07.1980. Цит. по: Чиннов И. Собрание сочинений: в 2 т. / И. Чиннов / Т. 2. Стихотворения. 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. – М.: Согласие, 2002. – С. 332–333.
4. Таубер, Е. Рецензия на сборник А. Шиманской / Е. Таубер // Новый журнал. – 1955. – № 41. – С. 302.
5. Хадынская, А. А. Акмеистические традиции в лирике А. Штейгера / А. А. Хадынская // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 4 (157). – С. 38–54.
6. Шиманская, А. Антенны / А. Шиманская. – Париж: Рифма, 1976. – 53 с.
7. Шиманская, А. Капля в море / А. Шиманская. – Париж: Рифма, 1950. – 45 с.

А. А. Хадынская

8. Шиманская, А. Новолунье / А. Шиманская. – Париж: Рифма, 1955. – 46 с.

9. Шиманская, А. Я вам прочту / А. Шиманская. – Париж: Рифма, 1963. – 44 с.

AGLAIDA SHIMANSKAIA'S LYRICS IN THE CONTEXT
OF "PARIS NOTE" POETRY

A. A. Khadynskaya

Abstract

The article is devoted to the consideration of the creative heritage of Aglaida Sergeevna Shimanskaia (1903–1995), the Russian poetess and a prose writer of the "first wave" of emigration, from the standpoint of closeness of her lyrics to the "Parisian note" poetry. The features of typological similarities and common features of poetics are noted, while the acmeist orientation of the poetess turns out to be important.

Keywords: Aglaida Shimanskaia, poetry of the Russian emigration of the "first wave", "Paris note", Acmeist traditions

Поступила в редакцию 24.10.2018